

S.J. in *The Jerome Biblical Commentary* (Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1968), vol. II, 800-827, here 810 (79:50).

17. Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'makh (Moscow, 1888), part I, vol. I, 413, cited in Mann, p. 256.

Игорь ВИНОГРАДОВ

Исторические воззрения Гоголя и замысел поэмы "Мертвые души"

Одной из важных задач науки о Гоголе является изучение исторических взглядов писателя. Все художественные произведения Гоголя, начиная от самых ранних, написаны не только верным наблюдателем быта, тонким знатоком человеческой души, но и оригинальным, глубоким историком. О серьезности занятий Гоголя историей свидетельствует хотя бы тот факт, что на протяжении целого ряда лет он преподавал историю в двух учебных заведениях Петербурга – в Патриотическом институте и в Императорском университете. Однако в многочисленных исследованиях уходящей эпохи напрасно было бы искать ответа на вопрос, чем объясняется это «загадочное» увлечение Гоголя.

Интересом к прошлому Гоголь был во многом обязан основательной постановке дела преподавания истории в Нежинской гимназии высших наук (здесь Гоголь обучался с 1821 по 1828 год). По свидетельству его соучеников, в 1824 году в гимназии даже «составилось историческое общество под председательством старших воспитанников <...> Редкина и Любича-Романовича. Со всею смелостию детского возраста принялись пять или шесть воспитанников составлять полную всемирную историю в огромном размере. На долю Базили достались египтяне, ассирияне, персы и греки – и он года в полтора написал тысячу или 1500 страниц сверх уроков по классам...» [1, 329]; «В свободное от классных занятий время <...> <П. Г. Редкин> вместе с другими тремя товарищами – Базили, Кукольником и Тарновским – предпринял огромный труд: возможно полное сокращение всеобщей истории, изданной обществом английских ученых и состоящей из нескольких десятков кварталов. Труд этот, хотя и не был окончен, много способствовал не только основательному изучению русского и французского языков, но и развитию исторического смысла...» [2, 443]. Судя по первым литературным опытам Гоголя, а также по материалам, собранным им в нежинский период, занятия товарищей всеобщей историей не прошли мимо него. В то время в круг чтения Гоголя появляется и «История государства Российского» Н. М. Карамзина.

Изучение истории в Нежинской гимназии было тесно связано с теми задачами, которые ставились перед воспитателями юношества тогдашним правительством. «В народном воспитании преподавание Истории есть дело Государственное», – писал, в частности, по этому поводу будущий министр народного просвещения С. С. Уваров в 1813 году (в то время попечитель Санкт-Петербургского учебного округа) [3, 2]. В. А. Жуковский, назначенный в 1826 году воспитателем Наследника Александра Николаевича, в свою очередь

отмечал: «Сокровищница просвещения царского есть *история*, наставляющая опытами прошедшего, ими объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомит государя с нуждами его страны и его века. Она должна быть *главною наукою* наследника престола. История, освященная религиею, воспламенит в нем любовь к великому, стремление к благотворной славе, уважение к человечеству и даст ему высокое понятие о его сане. Из нее извлечет он привила деятельности царской» [4, 146].

Неудивительно, что красной нитью, пронизывающий исторические штудии Гоголя, является мысль о государственном единстве. Еще в первой половине 1830-х годов главный интерес писателя при чтении «Истории государства Российского» сосредотачивался, как позволяют судить дошедшие до нас гоголевские заметки, на процессе объединения русских земель, а также на роли в этом процессе городов и удельных князей. Тогда же Гоголем был задуман и очерк о единовластии, от которого до нас дошло только несколько черновых набросков. Замысел этот органически вытекал из размышлений Гоголя над славянской историей. В лекции «Состояние Европы неримской и народов, основавшихся на землях, не принадлежавших Римской империи» (основу которой составил еще один незавершенный очерк Гоголя – о славянах) он замечал о «древних обитателях восточной Европы» славянах: «Рассеянная жизнь, открытые пространства России, неимение никаких союзов и взаимной связи между племенами были причиною их беспрерывных покорений многочисленными нациями, умевшими повиноваться одному вождю». Карамзин в заключении первой главы первого тома «Истории...» в свою очередь указывал: «Представив читателю расселение народов славянских <...> скажем, что они, сильные числом и мужеством, могли бы тогда, соединясь, овладеть Европою; но, слабые от развлечения сил и несогласия, почти везде утратили независимость, и только один из них, искушенный бедствиями, удивляет ныне мир величием (говорим о российских славянах)» [цит. по: 5, 18].

В одной из обнаруженных недавно в Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва) лекций Гоголя – «Обозрение Всеобщей Истории» – мысль о пагубности разделений с настойчивостью повторяется применительно к самым разным историческим эпохам и государствам. Гоголь прослеживает пагубные последствия раздоров в жизни народов, начиная от ветхозаветного Израиля, кончая самой Россией: «...Израильтяне <...> разделились от несогласия на царства – Иудейское и Израильское <...>. Салманассар, Царь Ассирийский, разрушил Израильское, а Навуходоносор, Царь Вавилонский, Иудейское...»; «...Иудеи, перешед из-под Персидского в Македонское и Сирийское порабощение <...> сделались потом независимы под предводительством Маккавеев; но междоусобие опять подвергло их верховной власти Римлян»; «Любовь Греков к независимости и отечеству часто являла дела непостижимо великие <...> но мало-помалу между <н>ими вкралось несогласие, и это междоусобие ослабило их, и наконец, в течении двух последних веков пред Р. Х., <они> лишены были Римлянами свободы»; «...Разделение на Восточную и Западную Империи, сделанное Феодосием между сыновьями своими Аркадием и Гонорием, ускорило падение обеих. Обе

Римские Империи не только одна от другой отделились, но, – по неспособности своих Государей <...> по несогласию и изменничеству вельмож и полководцев, – сделались опаснейшими друг другу врагами»; «...Разделение государства, сделанное Владимиром и Ярославом в XI веке, подало повод к междоусобиям Князей; чрез это самое Россия приходила – время от времени – в бессилие и наконец подверглась около половины XIII столетия игу Татар <...> Иоанн III^й Васильевич начал единодержавие и торжество над врагами» [6].

Становится, таким образом, очевидным и то, что в написанной в 1834 году знаменитой гоголевской эпопее «Тарас Бульба» именно разделение запорожского войска под стенами Дубно (под какими бы благовидными предложениями это разделение не подносилось – и из чьих бы уст не исходило, даже из уст «старейшего годами во всем запорожском войске Касьяна Бовдюга») является одной из главных причин гибели казаков. Завзятые «демократы» и «республиканцы» в мирное время – в гульбе и бражничестве, запорожцы, по Гоголю, сильны строгой дисциплиной и безусловным подчинением одному в военном походе; стоит только «демократическому» началу поколебать этот принцип, как поражение их становится неизбежным. Как явствует из содержания лекции Гоголя «Введение в Древнюю Историю», именно в способности к объединению пред лицом внешней угрозы он усматривал, в частности, жизнестойкость соперничавших между собой древних «Греческих Республик»: «...Угрожал ли Греции какой-нибудь внешний неприятель <...> эти по-видимому разъединенные вечною ненавистью Республики кидали междоусобия и соединенным оружием, не дорожа ничем, защищали общее свое отечество» [6].

До настоящего времени в работах о Гоголе неизученной осталась одна весьма важная и выразительная страница его биографии. Как известно, в 1832 году в России по инициативе Императора Николая Павловича в качестве основ народного образования были провозглашены начала Православия, Самодержавия и Народности. Интересно отметить, что одним из первых, кто публично откликнулся на это начинание Государя был земляк и друг Гоголя М. А. Максимович. Выступая в начале 1832 года в собрании Московского университета, он говорил: «Наш Царь, постановив *воспитание* важнейшим делом Государственным, желает, чтобы оно было *отечественное*; Он повелел, чтобы в чужие края Русские отправлялись не ранее осмнадцатилетнего возраста, когда сердца их укрепятся в любви к Отечеству, а умы ознакомятся с его истинными потребностями, нравами, законами²; Он назначил для будущего

² Имеется в виду распоряжение Императора от 25 февраля 1831 г., о котором в специальном разделе Отчета Министерства Народного Просвещения за 1831 г. – «Меры для предупреждения вреда от воспитания чужеземного», говорилось: «При способах воспитания, в России ныне существующих, и при твердом намерении Правительства еще более распространить и усилить их, оно обратило внимание на вредные последствия, проистекающие от чужеземного воспитания для тех молодых людей, которые, получив образование свое вне отечества, возвращаются иногда с самыми ложными о нем понятиями, и не зная его истинных потребностей, законов, нравов, порядка, а нередко и языка, являются чуждыми посреди всего отечественного. В отвращение столь важных неудобств Указом 25 Февраля 1831 года постановлено, чтобы Российское юношество, от 10 до 18 лет,

преподавания в Университетах избрать юношей из природных Россиян: *будьте истинно Русскими*, вещал Он воспитанникам Университетского Пансиона» [9, 177]. Историк Н. П. Барсуков позднее указывал: «В 1832 году, после великих бедствий, испытанных Россиею в течение последних лет и от губительных войн, и от междоусобной брани, и от моровой язвы <...> последовало обретение честных мощей, иже во Святых отца нашего Митрофана, первого епископа Воронежского <...> *Живый дух правыя веры и благочестия* внушил Помазаннику Божию поставить во главу угла воспитания Русского юношества *Православие, Самодержавие и Народность*; а провозгласителем этого великого символа нашей Русской жизни – избрать мужа, стоявшего во всеоружии Европейского знания. 21 апреля 1832 года воспоследовал Высочайший указ Правительствующему Сенату, “о бытии президенту Императорской Академии Наук тайному советнику Уварову товарищем Министра Народного Просвещения”» [10, кн. 4, 1-2].

Принципы Православия, Самодержавия и Народности, которым следовал еще в 1824–1828 годах в своей деятельности на посту министра народного просвещения А. С. Шишков, были заявлены в 1832 году С. С. Уваровым в его Отчете по обозрению Московского университета от 4 декабря этого года [см.: 11, 348-349] – и еще раз подчеркнуты им в обращении 21 марта 1833 года к попечителям учебных округов при вступлении в должность управляющего министерством. Последнее обращение нового главы министерства было напечатано в 1834 году в первом номере основанного Уваровым журнала – «Журнала Министерства Народного Просвещения»: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование, согласно с Высочайшим намерением Августейшего Монарха, совершалось в соединенном духе Православия, Самодержавия и Народности» [12, XLIX-L; см. также: 13, 838]³.

Исследователями гоголевского творчества доньше не было обращено внимания на то, что именно Гоголь (вместе с его близкими друзьями – П. А. Плетневым, В. А. Жуковским, М. П. Погодиным, М. А. Максимовичем, С. П. Шевыревым, К. М. Базили), стал одним из первых сотрудников Уварова. Результатом этого сотрудничества явилось поступление Гоголя в 1834 году адъюнкт-профессором на кафедру всеобщей истории Петербургского университета, а кроме того публикация писателем в том же 1834 году в журнале Уварова четырех статей, тесно связанных с замыслом «Тараса

воспитываемо было предпочтительно в отечественных публичных заведениях, или хотя и в домах своих под надзором родителей и опекунов, но всегда в России, и чтобы изъятия из сего допускаемы были не иначе, как с Высочайшего разрешения; юношей моложе 18 лет вообще запрещено отправлять в чужие края для усовершения в науках. Те, при воспитании коих не будет впредь соблюдены сии правила, лишаются права вступать во всякую Государственную службу» [7, 9-10]. Отметим, что в прямом соответствии с этим распоряжением Гоголь в первой половине 1840-х гг. убеждал художника А. А. Иванова в необходимости первоначального воспитания юношества в духе отечественных традиций, – тогда как художник настаивал на том, что с «красотами собственно русскими» следует знакомиться «уже в зрелых летах, испытав и поверив опытом все прекрасное в Европе» [см. об этом: 8, 133-134].

** Торжественное открытие мощей святителя Митрофана, епископа Воронежского, состоялось 8 августа 1832 г. Спустя сорок дней для поклонения мощам в Воронеж прибыл Император Николай Павлович.

³ О значении выдвинутой Уваровым программы для развития русской культуры см.: 14, 5-41.

Бульбы». В частности, напечатанный во втором номере журнала гоголевский «План преподавания всеобщей истории» (позднейшее название – «О преподавании всеобщей истории») звучал как статья программная, созвучная воззрениям на этот предмет самого министра, – чему в действительности и соответствовало содержание гоголевской статьи. «...Цель моя, – писал Гоголь, – образовать сердца юных слушателей <...> чтобы <...> не изменили они своему долгу, своей Вере, своей благородной чести и своей клятве – быть верными Отечеству и Государю». Как следует из письма Гоголя к редактору «Журнала Министерства Народного Просвещения» К. С. Сербиновичу от конца января – начала февраля 1834 года, Уваров принимал прямое участие в редактировании этой гоголевской статьи. Есть в статье Гоголя и прямые реминисценции с работами Уварова 1820-х годов.

Обозрение С. С. Уваровым Московского университета и Московского учебного округа в 1832 году было одним из первых его шагов на посту товарища министра народного просвещения. Помимо прочего, это обозрение было отмечено двумя, несомненно, важными для Гоголя событиями. Во-первых, открытием М. П. Погодиным с началом учебного года в Московском университете, в присутствии Уварова, курса лекций по русской истории [см.: 10, кн. 4, 75]. Во-вторых, совместным посещением университета, 27 сентября 1832 года, Уварова и Пушкина⁴.

С Погодиным Гоголь познакомился летом 1832 года, проездом на родину. Возвращаясь в октябре в Петербург, он вновь посетил Москву и снова виделся с Погодиным (тогда же он навестил и Максимовича, с которым познакомился еще в 1829 году [см.: 17, т. 1, 116]**). С Пушкиным Гоголь к тому времени был также хорошо знаком. Поэт был одним из первых, с кем встретился Гоголь по приезду в Петербург. Несомненно, о начинаниях Уварова Гоголь узнал почти сразу и «из первых рук» – от Максимовича, Погодина, Пушкина... Рассказы друзей, а также соответствие собственных устремлений провозглашенному Уваровым курсу и побудили Гоголя к непосредственному участию в осуществлении заявленной программы. Имеется свидетельство, что в 1830-х годах Гоголь даже вступил в Петербурге в члены «Общества распространения Православия» [19, 30]. Возможно, под этим и подразумевалось сотрудничество Гоголя с Уваровым.

Инициатором сближения с новым министром был сам Гоголь. Предполагая составить для Уварова «План преподавания всеобщей истории», он писал Пушкину: «Если бы Уваров был из тех, каких не мало у нас на первых местах, я бы не решился просить и представлять ему мои мысли» (письмо от 23 декабря 1833 года). Помимо «Плана преподавания всеобщей истории», Гоголь опубликовал в 1834 году в «Журнале Министерства Народного Просвещения» статью «Взгляд на составление Малороссии» (в № 4), а по прямому заказу Уварова – написал и напечатал статьи «О малороссийских песнях» (№ 4) и «О

⁴ См. письмо Пушкина к жене от 28-30 сентября 1832 г. [15, 33] и воспоминания И. А. Гончарова [16, 253].

** Именно Максимович был одним из тех, с кем Гоголь в 1830-х гг. мог «соутешаться общею верою» (Рим. 1, 12) [см. об этом коммент. в изд.: 18, 544].

средних веках. Вступительная лекция, читанная в С.-Петербургском университете адъюнкт-профессором Н. Гоголем» (1834, № 9). В том же 1834 году четыре публикации (столько же, сколько Гоголь) сделал в «Журнале Министерства Народного Просвещения» Погодин (№ 1, 4, 10, 12); по две статьи напечатали Максимович (№ 2, 5) и Шевырев (№ 8, 11); одну публикацию сделал Плетнев (№ 1). Впоследствии, до отъезда Гоголя за границу (в июне 1836 года), еще по четыре статьи напечатали в журнале Уварова Погодин (1835, № 1, 4, 9; 1836, № 1), Шевырев (1835, № 2, 9, 10; 1836, № 1); еще три статьи – Максимович (1835, № 1; 1836, № 4, 6), две статьи – школьный товарищ Гоголя Базили (1836, № 1, 6), по одной статье опубликовали Жуковский (1835, № 1) и Плетнев (1836, № 1). Если же учесть, что из всех перечисленных лиц к петербуржцам принадлежали только Жуковский, Плетнев и Базили, – сделавшие в журнале по одной-две публикации (и главным образом в 1835-1836 годах), – то становится очевидным, что среди всех петербургских литераторов ближайшим сотрудником Уварова в «Журнале Министерства Народного Просвещения» в 1834 году был именно Гоголь. В этом отношении в один ряд с Гоголем можно поставить только помощника редактора уваровского журнала А. А. Краевского, который выступал здесь с периодическими обзорами журналов и книг (шесть публикаций в 1834 году – № 1, 3, 4, 6, 10, 12)⁵.

Однако официально провозглашенный в 1832 году курс назвать «господствующим» в действительности было нельзя. Осуществление программы образования в духе Православия, Самодержавия и Народности сам Уваров называл «одной из труднейших задач времени» [11, 348]. Последовательное проведение в жизнь указанных начал могло встретить – смотря по преобладанию той или иной из борющихся при Дворе партий – прямое административное противодействие. Погодин в 1841 году, вскоре после выхода в свет первых номеров основанного им при участии Уварова журнала «Москвитянин», записал в своем дневнике: «Поутру был граф Толстой (имеется в виду граф А. П. Толстой, друг Гоголя; впоследствии, в 1856-1862 годах, обер-прокурор Синода. – *И. В.*), с которым много говорили о России нынешней и прошедшей. Журнал ваш запретят, сказал он, потому что в нем слишком ясен Русский дух и много Православия. Есть какая-то невидимая, тайно действующая сила, которая мешает всякому добру в России. Верно, она

⁵ Несомненно, в прямой связи с официальным курсом Министерства Народного Просвещения находится и созданная Гоголем позднее книга «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). Отметим, что эту книгу В. Г. Белинский (резко осуждавший и Уварова, и осуществляемую им программу) встретил с таким же раздражением, с каким когда-то отозвался об «ученых статьях» Гоголя в «Арабесках» [см.: 20, т. 8, 286; т. 9, 467, 476-477, 509, 514; т. 1, 184]. Белинскому было, конечно, не безызвестно, что четыре статьи из «Арабесок» были первоначально опубликованы в журнале Уварова. Безусловно значимо для понимания тогдашних устремлений Гоголя и поднесение им в 1835 г. через Уварова Императору Николаю Павловичу только что отпечатанного сборника «Миргород», – в котором лучшей из повестей, по единодушному признанию критики, стала повесть «Тарас Бульба». Сообщение о поднесении Гоголем «Миргорода» появилось в 1835 г. в № 5 «Журнала Министерства Народного Просвещения».

имеет свое начало в чужих краях, трепещущих России и действующих чрез золото» [10, кн. 6, 53]. Один из близких знакомых Гоголя по Петербургскому университету славянофил Ф. В. Чижов в письме к художнику А. А. Иванову от 6 февраля 1846 года в свою очередь замечал: «В Петербурге, кроме Царя, его семьи и народа, все какого-то космополитического направления; там и речи не заводи об истинно-русском» [21, 414]. Сам Гоголь спустя несколько месяцев после начала своих лекций в Петербургском университете в письме к Погодину от 14 декабря 1834 года сообщал: «Знаешь ли ты, что значит не встретить сочувствия, что значит не встретить отзыва? Я читаю один, решительно один в здешнем университете. Никто меня не слушает, ни на одном ни разу не встретил я, чтобы поразила его яркая истина. <...> Хоть бы одно студентское существо понимало меня. Это народ бесцветный, как Петербург».

Ощущение Гоголем своей «не востребованности» как преподавателя, а также сугубого – не только среди «студентского общества», но и среди профессоров – одиночества объясняются, по-видимому, именно противоречием между провозглашенными Уваровым принципами и реальным осуществлением этих принципов на практике.

Помимо проблемы с преподавательскими кадрами, подобное противоречие объяснялось, вероятно, определенной зависимостью образовательного процесса от западных руководств. Основательных пособий, в которых соответствующие дисциплины, в частности, история, излагались бы с точки зрения государственных интересов России, в свете понимания судеб Православной Церкви (а не из протестантских или католических воззрений), явно не доставало. Это касалось не только собственно переводных книг, но и учебников некоторых отечественных авторов, некритически воспринимавших положения западной историографии. Об отсутствии нужных пособий сам Гоголь, в частности, писал Погодину 20 февраля 1833 года, имея в виду изданную последним книгу немецкого историка К.-А. Беттигера «Всеобщая История» (М., 1832; этой книгой сам Гоголь широко пользовался при составлении своих лекций): «Мне нравится в ней то, что есть по крайней мере хоть несколько верный анатомический скелет. У нас и этого нигде не найдешь».

Понятно, что при господстве западной историографии в отечественной науке Гоголь часто должен был самостоятельно разрабатывать отдельные вопросы, которые либо не рассматривались в работах западных историков, либо подвергались в них искаженному толкованию. Хотя многочисленные факты говорят о том, что усилия Гоголя сосредотачивались именно в этом направлении, однако нельзя сказать, чтобы с этой задачей он справлялся всегда успешно.

Как показывает содержание неопубликованных лекций Гоголя по всеобщей истории, зависимости от западных руководств не избежал в своих исторических оценках и сам писатель. Относится это прежде всего к отдельным его критическим высказываниям о Византии: «Другие Римляне, будучи еще презрительнее прежних, тысячу лет долее держались в Константинополе, главном городе своей Восточно-Римской, или Греческой Империи.

Недостойные Императоры, внутренние возмущения, суеверие, богословские распри, употребляемая во зло власть духовенства, Аравитяне, Турки и Крестовые походы, – все это собственно приготавливало разрушение государства» («Обозрение Всеобщей Истории») [6]⁶.

Позднее Гоголь существенно пересмотрел свой взгляд на историю Греческой империи. Один из москвичей, познакомившийся с Гоголем в июне 1851 года, вспоминал: «Я встретил его в кабинете одного ученого; он сидел, держа в руках том “Истории Восточной Империи” Лебо, в издании Сен-Мартена. С ним был еще г<раф А. П.> Т<олстой>. Речь шла о способе изложения византийской истории. Спутник Гоголя обвинял западных писателей в том, что они умышленно выставляют только черные стороны этой империи, которая своею долговечностью показывала уже в себе избыток жизненных сил; с хозяином дома мы стали указывать на самых историков византийских, которые ничего не рассказывают, кроме придворных интриг, борьбы аристократических фамилий, имевших в виду только личные интересы и не думавших нисколько о благе государства. Бунты против императоров и измены сделались так обыкновенны, что партия, приобретающая перевес, редко даже наказывала за них. “Но надобно искать других источников”, – сказал г<раф> Т<олстой>. Мы указали на произведения духовной литературы, на жития святых, в которых действительно можно находить добрые черты греческого народа, его живую веру и часто искреннее благочестие; но тут мало исторических данных, построить по ним целую историю с новым взглядом невозможно. В это время вмешался в разговор Гоголь <...>. Он говорил <...> что из этих немногих черт можно создать характер народа, нужно только усвоить себе это убеждение в добрых качествах народа, и с этим убеждением вновь пересмотреть все исторические сказания Византийской империи, и тогда они явятся в другом свете» [22, 3-4].

Очевидно, что к концу жизни Гоголь пришел к пониманию того, что негативный образ православной Византии в свою очередь является во многом созданием западной историографии. Однако дань, отданная Гоголем в первой половине 1830-х годов взглядам протестантских авторов на Греческую империю как на империю придворных интриг, «суеверий», «употребляемой во зло власти духовенства» («где остававшаяся еще ученость помрачаема была богословскими распрями»), сказала не только в собственно исторических его работах. В этих воззрениях и кроется, как думается, загадка критического пафоса созданных позднее Гоголем «Мертвых душ» и «Ревизора». Вероятно, православные византийские императоры и сами византийцы – «подданные тех, которые оказали малую услугу Вере и Наукам» (по словам Гоголя в лекции «Обозрение Всеобщей Истории») – стали для писателя историческим примером «срубленной» «бесплодной смоковницы» из притчи Спасителя (Лк., 13, 7), и сама история «Римских Греков» была соотнесена с возможной – в случае

⁶ Сходные оценки Византии встречаются у Гоголя в целом ряде других произведений, написанных в 1834 г., – в одной из университетских лекций «Состояние Восточной Римской империи во время религиозных споров...», в статьях «Об архитектуре нынешнего времени», «О движении народов в конце V века».

такого же бесплодия – судьбой духовной наследницы Византии – православной Руси (об отношении Гоголя к Москве как «третьему Риму» см.: 8, 117-155). Предотвратить этот нежелательный исход и были призваны «Ревизор» и «Мертвые души» с заключенным в них «религиозным» обличением соотечественников ради духовного их исправления и возрождения.

Не случайно, с влиянием западной историографии оказывается тесно связанным и осмысление Гоголем проблемы народности, – непосредственно примыкающей к официально провозглашенным принципам и в то же время понимаемой писателем весьма своеобразно.

Сам Гоголь так излагал свое понимание народности: «Что такое значит сделаться *русским* на самом деле? В чем состоит привлекательность нашей русской породы, которую мы теперь стремимся развивать наперерыв, сбрасывая все ей чуждое, неприличное и несвойственное? <...> Высокое достоинство русской породы состоит в том, что она способна глубже, чем другие, принять в себя высокое слово Евангельское <...> Хорошо возлелеянные в сердце семена Христовы дали все лучшее, что ни есть в русском характере. Итак, для того, чтобы сделаться русским <...> к источнику всего русского, к Нему Самому, следует за этим обратиться» (письмо к графине А. М. Виельгорской от 30 марта 1849 года).

Именно здесь и кроются духовные основы замысла «Мертвых душ». Смерть души героев поэмы заключается, по Гоголю, именно в том, что вместо Источника всего русского – Спасителя – герои «Мертвых душ» обращаются к западному еретическому «просвещению», являются носителями европейского «чужебесия» [см. об этом: 23, 275-346]. Другими словами, выведенные Гоголем типы потому являются «мертвыми душами», что в отношении к Богу, Царю и Отечеству – служение которым предназначено им свыше – они «неправославны», «неверноподданны» – а значит и «ненациональны».

Одной из ключевых проблема народности стала в сборнике «Арабески» – прямо предшествовавшем созданию «Мертвых душ». Давно «классической» стала фраза Гоголя в статье «Несколько слов о Пушкине» о том, что «истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа» – что «поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но смотрит на него глазами своей национальной стихии». Определение это появилась именно в связи с пониманием народности, предложенным в те годы Уваровым.

Надо сказать, что само понятие народности выдвигалось Уваровым прежде всего применительно к литературе. П. А. Плетнев, выступление которого на собрании Петербургского университета 31 августа 1833 года под заглавием «О народности в литературе» было опубликовано в 1834 году в первом номере «Журнала Министерства Народного Просвещения», говоря о поэзии древних греков, в частности, замечал: «...Словесность представила нам первый и прекрасный образец народности» [24, 5]. В свою очередь профессор Петербургского университета Н. И. Бутырский, зачитавший на том же собрании обзор деятельности учебного округа, отмечал, что из всех сфер

образования и культуры к народности прямое отношение имеет прежде всего словесность: «Все прочее можно заимствовать от чужестранцев, но Русскую Словесность должны мы создать сами: в противном случае останемся только подражателями...» [25, 56, 58]. Это выступление Бутырского также было опубликовано в 1834 году в первом номере «Журнала Министерства Народного Просвещения». Именно об этом номере Гоголь 11 февраля 1834 года писал К. С. Сербиновичу: «Я читаю теперь журнал ваш. В нем очень много интересного, даже в самых официальных статьях, которые изложены так занимательно, как я не мог предполагать!»

Таким образом, рассуждение Гоголя о народности пушкинской поэзии прямо отвечало задачам, поставленным перед литераторами новым министром. Важно подчеркнуть это уже потому, что само по себе определение Гоголем «истинной национальности» Пушкина ничего нового и «оригинального», по сути, не представляло. Такое же представление о народности применительно к пушкинской поэзии высказывали ранее, во второй половине 1820-х годов, Д. В. Веневитинов, Н. И. Надеждин, Кс. А. Полевой, М. А. Максимович [см.: 26, 413-416]. Достаточно привести высказывание Веневитинова 1825 года: «Я полагаю народность не в черевиках, не в бородах и проч. <...> но в самих чувствах поэта...» [27, 237]. Принципиальная новизна Гоголя заключалась именно в «актуальности» такой постановки вопроса, в приложении мысли о народности поэзии Пушкина к «текущему моменту».

Не случайно, первой задачей, которую решает Гоголь в статье, является защита Пушкина от обвинений в вольнодумстве. Имея в виду первоначальный период пушкинской деятельности (закончившийся южной ссылкой поэта), Гоголь указывает, что не вольнодумство, но лишь юношеские «разгул и раздолье, к которому иногда, позабывшись, стремится русский и которое всегда нравится свежей русской молодежи, отразились на его первобытных годах вступления в свет». В черновой редакции Гоголь добавлял: «...Если сказать истину, то его стихи воспитывали и образовали истинно-благородные чувства несмотря на то, что старики и богомольные тетушки старались уверить, что они рассеивают вольнодумство, потому только, что смелое благородство мыслей и выражения и отвага души были слишком противоположны их бездейственной вялой жизни, бесполезной и для них и для государства».

Для понимания гоголевской мысли следует иметь в виду, что под «стариками и богомольными тетушками» Гоголь подразумевал вполне определенный – «александровский» тип «набожности». («Школу» такой набожности и прошел, кстати, Уваров – бывший масон, один из директоров закрытого в 1826 году Николаем I Библейского общества.) В 1836 году Гоголь в рецензии на книгу Е. И. Ольдекопа «Картины мира» (предназначавшейся для помещения в пушкинском «Современнике») писал: «Все старики тогда читали душеспасительные книги <...> и <...> едва ли старики не обгоняли молодежь в своих домашних делах. Такой раздор теории с практикою был повсеместен в конце 18 столетия. В 19 столетии масонские и другие секты <...> поддержали существование подобных философских сочинений...».

Прямое отражение этих размышлений находим в «Выбранных местах из

переписки с друзьями» в характеристике одного из героев европейского «полупросвещения», лицемерного Фамусова из «Горя от ума» Грибоедова: «Он и благопристойный степенный человек и волокита, и читает мораль <...> Он даже вольнодумец, если соберется с подобными себе стариками, и в то же время готов не допустить на выстрел к столицам молодых вольнодумцев, именем которых честит всех, кто не подчинился светским обычаям их общества. В существе своем это одно из тех выветрившихся лиц <...> которые <...> вредны обществу...». Развивая апологию пушкинской поэзии в статье «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности», Гоголь писал: «Шекспир, Шеридан, Мольер, Гете, Шиллер, Бомарше, даже Лессинг, Реньяр <...> ничего не произвели такого, что бы отвлекало от уважения к высоким предметам <...> У них, если и попадаются насмешки, то над лицемерием, над кощунством, над кривым толкованием правого...».

В последних словах, помимо прочего, заключается, по-видимому, и представление о возможности весьма различного «понимания» провозглашенных Уваровым начал. «...Ведь нравственность вещь относительная, – иронически замечает на этот счет «невзрачный, но ядовитого свойства господин» в гоголевском «Театральном разезде...», – <...> нравственность всякий меряет относительно к себе. Один называет нравственностью сниманье ему шляпы на улице; другой называет нравственностью смотренье сквозь пальцы на то, как он ворует <...> Говорит: “Милостивый государь, старайтесь исполнить свой долг относительно Бога, Государя, Отечества”, – а ты, мол, уж там себе разумеи, относительно чего».

Очевидно, что в статье «Несколько слов о Пушкине» Гоголь определенно отстаивает соответствие поэзии Пушкина началам Православия, Самодержавия и Народности. Это же стремление к «реабилитации» поэта вполне определенно слышится и в ряде статей Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями». «Безделица – выставить наиумнейшего человека своего времени не признающим христианства! – замечает здесь Гоголь. – <...> Есть много среди света такого, которое для всех, отделившихся от христианства, служит незримой ступенью к христианству...».

Однако, хорошо известно, что Пушкин – который, вероятно, и познакомил Гоголя с Уваровым, и ходатайствовал за него перед министром – уже в 1835 году, вследствие возникших цензурных осложнений, вступил с Уваровым в резкий конфликт. (Примечательно, что летом 1835 года и у Гоголя возникает уже намерение отправиться в «путешествие по Европе»; см. его письмо к матери от 10 ноября этого года.)

Очевидно, поистине «счастливой случайностью» для Гоголя явилось то обстоятельство, что его статья о Пушкине была написана (и опубликована) до начала этого конфликта. Удивительным образом Гоголь оказался «верен» в ней и той и другой из конфликтующих сторон.

Если говорить об отношении Гоголя к самодержавию, то его монархические убеждения сегодня уже не вызывают сомнений. С другой стороны, можно заметить, что именно пушкинские принципы народности – как их формулирует сам Гоголь в статье «Несколько слов о Пушкине» – становятся

для него собственными творческими принципами в период создания «Портрета», «Ревизора» и «Мертвых душ». И главным в гоголевском определении народности оказывается, наряду с пожеланием художнику быть верным «истине», критический пафос.

Так, в судьбе художника Черткова в «Портрете», начавшего льстить самолюбию своих заказчиков, прямо угадываются следующие строки статьи о Пушкине: «Масса публики, представляющая в лице своем нацию, очень странна в своих желаниях; она кричит: “Изобрази нас так, как мы есть, в совершенной истине, представь дела наших предков в таком виде, как они были”. Но попробуй поэт <...> изобразить все в совершенной истине <...> она тотчас заговорит: “<...> это нехорошо <...>”. Масса народа похожа в этом случае на женщину, приказывающую художнику нарисовать с себя портрет совершенно похожий <...> Поэту оставалось два средства: или натянуть сколько можно выше свой слог <...> или быть верну одной истине <...>. Но в этом случае прощай толпа!»

Впоследствии эти размышления легли в основу противопоставления в заключении шестой – начале седьмой глав первого тома «Мертвых душ» «возвышенного» Шиллера и «писателя, дерзнувшего вызвать наружу все, что ежеминутно пред очами и чего не зрят равнодушные очи», и размышлений в одиннадцатой главе о «так называемых патриотах»: «...Они выбегут со всех углов <...> и подымут вдруг крики: “Да хорошо ли выводить это на свет, провозглашать об этом?”».

Подводя итог своим раздумьям, Гоголь замечал в «Переписке с друзьями» о характере русской поэзии: «Как бы слыша, что ее участь не для современного общества, неслась она все время свыше общества; если ж и опускалась к нему, то разве затем только, чтобы хлестнуть его бичом сатиры, а не передавать его жизнь в образец потомству».

Какой же главный «недостаток» отечественной истории отмечает Гоголь в статье «Несколько слов о Пушкине»? «Русская история, – пишет он, – только со времени последнего ее направления при императорах приобретает яркую живость (титул императора был принят в 1721 году Петром I. – И. В.); до того характер народа большею частию был бесцветен...».

Именно отсутствие народного единодушия, распри и несогласия между князьями, составляющие принадлежность русской истории, вызвали в наибольшей степени «скуку» и раздражение Гоголя⁷. В одном из отрывков «Истории Малороссии» (1834) он писал: «Народ <...> принадлежавший Петру <...> имел не только необходимость, но даже нужду <...> покориться. Их необыкновенный повелитель стремился к тому, чтобы возвысить его, хотя лекарства его были слишком сильные».

Гоголь объяснял причины петровских преобразований необходимостью

⁷ В письмах к земляку Максимовичу от 28 мая и 10 июня 1834 г., написанных в связи с представлявшейся возможностью преподавательской деятельности в Киевском университете, Гоголь, в частности, говорил: «Я с ума сойду, если мне дадут русскую историю»; «Если бы это было в Петербурге, я бы, может быть, взял ее, потому что здесь я готов, пожалуй, два раза в неделю отдать себя скуке».

«пробуждения» русского народа, а также тем, что «слишком вызрело европейское просвещение, слишком велик был наплыв его, чтобы не ворваться рано или поздно со всех сторон в Россию и не произвести без такого вождя, каков был Петр, гораздо большего разладу во всем, нежели какой действительно потом наступил...» («Выбранные места из переписки с друзьями»). Это объединяющее «пробуждение» народа под воздействием враждебного «просвещения», какое в полной мере совершилось, по Гоголю, в северной России – Великороссии – лишь в эпоху Петра I, гораздо ранее уже произошло, по его мнению, при тех же обстоятельствах в южнорусских землях. Во второй редакции «Тараса Бульбы» Гоголь, опираясь на содержание своей заметки, сделанной при чтении «Истории государства Российского» о «причинах остановки хода развития России» (князя «менялись и торговались» уделами, «как воины своими оружиями», – заметка «Внутреннее устройство»), а также исходя из содержания подобной заметки «Обычаи» («В каждом уделе лучшая для князя прибыль были места для охоты, за них иногда переменили они уделы»), к написанному ранее в первой редакции «Тараса Бульбы» об образовании казачества добавил: «Вместо прежних уделов, мелких городков, наполненных псарями и ловчими, вместо враждующих и торгующих городами мелких князей, возникли грозные селения, курени и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью против нехристианских хищников <...> гетманы, избранные из среды самих же казаков, преобразовали околицы и курени в полки и правильные округа». (Примечательно, что с безотрадной картины княжеских междоусобиц на Руси в XIII веке и начинается статья Гоголя «Взгляд на составление Малороссии».) С этими размышлениями перекликается и ироническое замечание рассказчика в черновой редакции повести «Портрет» о затруднительности для него «перечесать по именам удельных князей, наполняющих Русскую историю». Интересно, что именно в «Портрете» (первой редакции), в «пепельных» обитателях петербургской Коломны, и обнаруживаются художественные «прототипы» пяти главных героев-помещиков первого тома «Мертвых душ» [см. об этом: 23, 320-321].

В противовес эпохам «безвластия» с их «бесцветными» представителями, значительность характеров, воскрешение «мертвых душ», Гоголь непосредственно связывал с самодержавным правлением.

В статье «О преподавании всеобщей истории» можно найти прямую параллель к этой важной составляющей замысла «Мертвых душ». Говоря о завершении древней истории, Гоголь, в частности, замечал: «Наконец на весь древний мир непостижимо находит летаргический сон, та страшная неподвижность, то ужасное онемение жизни, когда просвещение не двигается ни вперед, ни назад, сила и характер исчезают, все обращается в мелкий, ничтожный этикет, жалкую развратную бесхарактерность».

Так, по Гоголю, наступает эпоха «мертвых душ», – то самое состояние человечества, которое повторится потом, много веков спустя, при наступлении периода новейшей европейской цивилизации – когда Париж делается «всемирною столицей <...> и французский язык, французские нравы, французский этикет и обычаи» распространятся «по всей Европе» («О

преподавании всеобщей истории»).

Возрождению «мертвых душ» древнего мира послужила, по Гоголю, духовная и светская власть папы. «Не стану говорить о злоупотреблении и о тяжести оков духовного деспота, – пишет он в статье «О средних веках». – Проникнув более в это великое событие, увидим изумительную мудрость Провидения <...>: власть папам <...> дана была для того, чтобы в продолжение этого времени юные государства окрепли и возмужали <...> чтобы сообщить им энергию, без которой жизнь народов бесцветна и бессильна». Говоря же о завершении средних веков – характеризовавшихся объединительными, но недостаточными усилиями папы («...еще государь звучит одним именем своим, и вместо того миллионы владельцев, из которых каждый – маленький император...»), Гоголь продолжает: «Духовная власть пала. Государя становятся сильнее. <...> Государства, народы сливаются плотнее в нераздельные массы. Нет того разъединения власти, как в средние века. Она сосредоточивается более в одном лице. И как оттого сильные характеры становятся виднее, круг государей, министров, полководцев обширнее!» («О преподавании всеобщей истории»).

Такой же расцвет талантов при единомыслии правления отмечает позднее Гоголь и в России, говоря о веке продолжательницы дела Петра Екатерины II: «В эпоху Екатерины, царствование которой можно назвать блестящей выставкой первых русских произведений, когда на всех поприщах стали выказываться русские таланты, – с битвами вознеслись полководцы, с учрежденьями внутренними государственные дельцы, с переговорами дипломаты, с академиями словесники и ученые – появился и поэт, Державин, с тою же картинно-величавой наружностью, как и все люди времен Екатерины...». «Есть царствования <...> которых образы уже стоят пред нами колоссальные, как у Гомера...» – замечал также Гоголь об эпохе Екатерины II в письме к князю П. А. Вяземскому от июля-сентября 1842 года⁸.

На это исключительное значение монарха для народной жизни указывал Гоголь и в более раннем периоде русской истории. В июле 1849 года он, по свидетельству А. О. Смирновой, «вспоминал, как в царствование Алексея Михайловича один путешественник, посетив Россию, написал, что население ее скудно, народ измельчал и обеднел, а другой, приехавши к нам через двадцать пять лет после первого, нашел города и деревни обильно населенными, нашел

⁸ Роль самодержавного правления в воспитании талантов в эпоху Екатерины II Гоголь подчеркивал также во второй редакции повести «Портрет» (1842), где сама Императрица говорит о том, что «не под монархическим правлением <...> презираются и преследуются творенья ума, поэзии и художеств; что, напротив, одни монархи бывали их покровителями; что Шекспиры, Мольеры процветали под их великодушной защитой, между тем как Дант не мог найти угла в своей республиканской родине...». Нетрудно заметить в этих словах прямое повторение сказанного ранее Гоголем в письме к Императору Николаю Павловичу 1837 г., что «участь поэтов печальна на земле» – но что «венценосные властители становились их великодушными заступниками» [28, 7]. Еще ранее, в 1834 г., Гоголь сделал из книги английского историка Г. Галлама выписку, которой и воспользовался при создании «Портрета»: «В одной из революций, произведенных <...> разветвлением заговоров, Флоренция изгнала из стен своих Данта Алигиери <...> При начале республик ломбардских их ссоры взаимные и домашние были ограничиваемы посредничеством императора, и потеря этого влияния, может, была одна из причин, доведших Италию до такого состояния...».

народ здоровый, рослый, цветущий и богатый. Гоголь это приписывал благочестивой жизни Царя^{**}, который везде в государстве водворил порядок, безопасность и спокойствие» [17, т. 2, 224]. В статье «Взгляд на составление Малороссии», говоря о раздорах русских князей в XIII веке, Гоголь в свою очередь замечал: «Это был хаос браней за временное, за минутное, браней разрушительных, потому что они мало-помалу извели народный характер, едва начинавший принимать отличительную физиогномию при сильных норманнских князьях». – Напомним в связи со всем этим, что именно царь, по воспоминаниям архимандрита Феодора (Бухарева), должен был послужить воскрешению души главного героя гоголевской поэмы – Чичикова [31, 138-139]. Только Государь, полагал Гоголь, может «вооружить каждого из нас тем высшим взглядом на себя, без которого невозможно <...> воздвигнуть в себе самом <...> брань всему невежественному и темному, <...> чтобы <...> устремить <...> весь народ свой к тому верховному свету, к которому просится Россия» («О лиризме наших поэтов»).

Таким образом, очевидно, что не только «Тарас Бульба», но и «Ревизор» и «Мертвые души» – посвященные обличению плодов западного развращающего влияния – вполне соответствуют, согласно с представлениями Гоголя, программе Православия, Самодержавия и Народности. Не случайно Гоголь прямо рассчитывал на поддержку Государя при прохождении его произведений в цензуре – в чем и не ошибся. Известно, что только благодаря Императору Николаю I «Ревизор» был разрешен к постановке и печатанию⁹. Вскоре после премьеры Гоголь отвечал в «Театральном разъезде...» своим недоброжелателям: «Великодушное правительство глубже вас прозрело высоким разумом цель писавшего». Точно так же – с надеждой получить «ободрение и помощь от правительства, доселе благородно ободрявшего все благородные порывы», – Гоголь создавал и «Мертвые души» (согласно строкам его письма к Уварову весной 1842 года)^{**}.

^{**} В гоголевской «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии» сохранилась выписка соответствующего содержания, озаглавленная «Нравы Русских»: «Домашняя жизнь Царя Феодора Иоанновича. Встает он обыкновенно в 4 часа» [цит. с исправлением по автографу: 29, 158; ср.: 30, 884].

⁹ В 1837 г. Император, получив, в частности, письмо от Наследника, где тот сообщал, что вышневолоцкий городничий напомнил ему «своей турнурой», «городничего из “Ревизора”», отвечал сыну: «Не одного, а многих увидишь подобных лицам “Ревизора”, но остерегись и не показывай при людях, что смешными тебе кажутся, иной смешон по наружности, но зато хорош по другим важнейшим достоинствам, в этом надо быть крайне осторожным» (письмо от 8 мая 1837 г.). Наследник прислушался к совету отца и 19 мая писал: «Мы ночевали в доме помещицы Жадовской <...> сын ее отставной офицер нас угощал, он должен быть удивительный чудак и напомнил мне Петра Ивановича Бобчинского, наподобие его он просил одной только милости, чтобы довести до Твоего сведения, что я ночевал в его доме. Но и при сем случае я припомнил Твое наставление, любезный Папа, чтобы не показывать вид другим, что кажется смешным». 25 мая Николай Павлович отвечал: «Смеялся я, читав сцену с Бобчинским, хорош, должен быть, гусь; но спасибо тебе, что <приучился> не показывать смеху при других» [32, 30, 130, 41, 134].

^{**} Отметим, однако, что гоголевское понимание народности вряд ли могло быть вполне созвучно взглядам Уварова. Сам Гоголь 6 февраля 1842 г. писал П. А. Плетневу из Москвы по поводу прохождения первого тома «Мертвых душ» в петербургской цензуре: «Из письма Прокоповича я узнал, между прочим, что вы хотите рукопись отдать Уваро<ву>. [Ради Бога, этого не делайте] Отсоветуйте это делать. Уваро<в> был всегда против меня, хотя я совершенно не знаю, чем возбудил его нерасположение. Оно, казалось, началось со времен “Ревизора”».

1. *Халчинский И. К. М. Базили* // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. – СПб., 1881.
2. *Гербель Н. П. Г. Редкин* // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. – СПб., 1881.
3. <Уваров С. С.> *Попечитель Санктпетербургского Учебного Округа. О преподавании Истории относительно к народному воспитанию.* – СПб., 1813.
4. *Жуковский В. А. План учения Его Императорского Высочества, Государя Великого Князя Наследника Цесаревича Александра Николаевича* // Полн. собр. соч.: В 12 т. – СПб., 1902. – Т. 9.
5. *Карамзин Н. М. История государства Российского. (Репринтное воспроизведение издания 1842-1844 гг.): В 12 т. (В 3 кн.).* – М., 1988. – Т. 1.
6. *Неизданный Гоголь. Издание подготовил И. А. Виноградов.* – М.: ИМЛИ РАН «Наследие» (в печати).
7. *Извлечение из Отчета Министерства Народного Просвещения за 1831 год. Издано по Высочайшему повелению.* – СПб., 1833.
8. *Виноградов И. А. Москва и Рим в творчестве Гоголя* // Москва в русской и мировой литературе. Сборник статей. – М., 2000.
9. *Максимович М. О Русском Просвещении. Речь, говоренная в собрании Московского Университета, 1832, января 12* // Телескоп. – 1832. – № 2.
10. *Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина.* – СПб., 1891. – Кн. 4; СПб., 1892. – Кн. 6.
11. *Уваров С. С. Отчет по обозрению Московского Университета. 4 декабря 1832 г.* // Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству Народного Просвещения. – СПб., 1867.
12. *Циркулярное предложение Г<-на> Управляющего Министерством Народного Просвещения Начальствам Учебных Округов, о вступлении в управление Министерством* // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1834. – № 1.
13. *Сборник распоряжений по Министерству Народного Просвещения.* – СПб., 1866. – Т. 1.
14. *Казаков Н. И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи* // Контекст-1989. – М., 1989.
15. *Пушкин. Полн. собр. соч.: В 16 т.* – Изд. АН СССР, 1948. – Т. 15.
16. *Гончаров И. А. Из университетских воспоминаний* // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. – М., 1985. – Т. 2.
17. <Кулиш П. А.> *Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя.* – СПб., 1856. – Т. 1-2.
18. *Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т.* – М., 1994. – Т. 9.
19. *Лугаковский В. Гоголь в польской литературе* // Лит. Вестник. – 1902. – № 1.
20. *Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т.* – М., 1976. – Т. 1; М., 1982. – Т. 8-9.
21. *Б<артнев> П. Ф. В. Чижев к художнику А. А. Иванову* // Русский Архив. – 1884. – Кн. 1.
22. *П. К. Встреча с Гоголем* // Русский Дневник. – 1859. – 14 янв.
23. *Виноградов И. А. Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания.* – М., 2000.
24. *О народности в Литературе. Рассуждение, читанное в торжественном собрании Императорского С. Петербургского Университета Профессором оною П. А. Плетневым, 31 августа 1833 года* // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1834. – № 1. – Отд. 2.
25. *Краткое обозрение действий и состояния Императорского С. Петербургского Университете с его округом, по учебной части, за прошедший 1832-1833 Академический год, читанное 31 августа 1833 года в торжественном собрании Университета Ординарным Профессором оною Бутырским* // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1834. –

№ 1.

26. Трубицын Н. Н. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. (Очерки). – СПб., 1912.

27. Веневитинов Д. В. Ответ г. Полевому // Полн. собр. соч. – <М.; Л.,> 1934.

28. Виноградов И. А. «Спасен я был Государем». Неизвестное письмо Гоголя к Императору Николаю Павловичу и его отношение к монархии // Литература в школе. – 1998. – № 7.

29. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. – Ф. 74. – К. 5. – Ед. хр. 1.

30. Шенрок В. И. Примечания редакторы и варианты // Гоголь Н. В. Соч. 10-е изд. – СПб., 1896. – Т. 7.

31. <Феодор (Бухарев А. М.), архимандрит>. Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году. – СПб., 1860.

32. Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. Сост. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюник. – М., 1999.

Николай Хомук

Архитектоника лабиринта в поэме Н.В. Гоголя "Мертвые души"

Поэма Гоголя во многом продолжает барочную традицию моделирования мира как лабиринта, ориентируясь: на такие произведения как "Лабиринт мира и рай сердца" Я.А. Коменского и Д. Беньяна "Путь паломника". Так, как уже отмечалось Т.Э. Демидовой, к Гоголю "переходит беньяновская модификация дорожного образа в торговый ряд" [1]. Посещение Чичиковым помещиков, каждый из которых представляет не только социальный тип, но шире – модель человеческой жизни, сделки, их оформление в городе и следующее за этим пиршество, расширение темы торга, суеты и пустоты [2] – все это обнаруживает архетип барочного лабиринта, как он представлен, например, у Я.А. Коменского. "Действительно, книга Коменского построена таким образом, что большую ее часть составляют главы, каждая из которых дает яркое символизированное описание занятий, привычек, иногда же просто времяпрепровождения, характерных для того или иного сословия, корпорации. Например, есть главы, посвященные ученым, солдатам, ремесленникам, судьям, купцам, дворянству и аристократии [3]. Последние зазывают путника, ведомого Обманом, на пир, символизирующий их вечно праздную жизнь. Довольно скоро пиршество превращается в отвратительную оргию"[4]. Гоголевская интерпретация подобного моделирования оформляется через строение текста поэмы, который внутри себя способен устраивать независимые от общего сюжета повествовательные ниши, в каждой из которых возникает, как мгновенный снимок, образ того или иного сословия. Например, аристократка (3 глава), поручик, примеривающий сапоги (7 глава), будочник, казнящий на ногте "какого-то зверя" (8 глава) и т.д. Даже "отвратительной оргии" соответствует в поэме банкет у полицеймейстера (7 глава).

Лабиринту как барочному мирообразу всегда сопутствует тема *Vanitas*,